

«одушевленной иконы» оказывается прочно связана с теорией образа иконоборцев.

Однако это понятие, с одной стороны, не было изобретением участников собора в Иерии 754 г., а с другой – вовсе не чуждо иконопочитателям. Это легко обнаружить, обратившись к агиографической литературе иконоборческого периода, которая тесно связана с данной темой: ведь именно с помощью житий святых иконоборческие мыслители предлагали учиться подражанию им и созданию «одушевленной иконы».

В житиях святых этого периода, написанных современниками или ближайшими потомками, можно найти многочисленные примеры упоминания «одушевленных икон». Агиографы называют их по-разному: ἔμψυχον ἀπεικόνισμα, ἔμψυχος εἰκὼν καὶ μορφή, πρὸς ἀρετῆς εἰκὼν, ἀρετῆς ἀρχέτυπον, εἰκὼν τοῦ πραγμάτου, «τύπος ἀρετῶν, ἁγάλμα, στήλη, ἀρετῆς πίναξ – но всегда говорят о жизни святого, являющей образ, взирая на который, необходимой ей подражать. Однако, будучи иконопочитателями, агиографы не предлагают отказаться от икон неодушевленных и не противопоставляют их подражанию святым. Причем их внимание к данной идее может быть косвенным указанием на подобное же внимание иконоборцев второго периода иконоборчества, а значит общую популярность «одушевленной иконы» в Византии IX в.

Кроме того, идея «одушевленной иконы» заставляет вспомнить об исключительной роли изображений в формировании сакрального пространства византийского храма. Именно в постиконоборческое время изображения в византийском храме становятся не только украшением и предметом поклонения, но целой системой, представляющей небесную Церковь¹, причем актуализация изображений требует присутствия молящегося, «одушевленного образа», который становится частью этой системы.

С. П. Карпов

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва)

Византийское содружество и Латинская Романия: развитие или эрозия идеологем? (К постановке проблемы)

Универсализм как таковой был свойственен природе средневекового человека, не желавшего раствориться в партикуляризме изменчивых и хрупких структур власти. Он начинался с признания единого Царства Божия, но далеко не ограничивался этим. Представления о том, что универсализм в классическом Средневековье Европы изживается и все более заменяется идеями «национальной» монархии, по меньшей мере, не точны. Имперские стремления сохранялись на Западе не только в эпоху борьбы империи и папства, но

---

¹ Лазарев В. Н. История византийской живописи. М., 1986. Т. 1. С. 62.

и значительно позднее. Собственно они никогда и не умирали, передаваясь от Священной Римской империи к монархии Габсбургов и к универалистским притязаниям французских, английских, испанских и португальских монархов. Они были в той или иной форме восприняты на Руси, в Болгарии, Сербии, да и в других странах Центральной и Восточной Европы. И римско-византийский компонент в этих идейно-политических исканиях скорее очевиден, чем точно определен.

Нет нужды говорить о византийском универсализме в периоды расцвета Империи ромеев. Об этом писали много и многие. Понятны и его идейные скрепы: представления об Империи неизменно связанные с представлениями об ее абсолютности, о богоизбранности василевса, о наднациональном, универсальном и ойкуменическом характере его власти, о гармонии власти и веры через их созвучие, симфонию, с миссионерской функцией высшей власти, обращенной как вовне, так и внутрь державы, с уважением к римскому закону и традиции, с попечением над «общим делом» и состоянием. Любое содружество для Византии возможно лишь с признанием, пусть номинально властвующего, но признаваемого и почитаемого христианского Царя¹.

Есть больший смысл анализировать византийский универсализм не в эпоху укрепления византийской державности, но после латинского или даже османского завоеваний. Вопрос «почему?» очевиден. Именно в это время начинается и прогрессирует рост самостоятельных, суверенных государств на территории Византии и вокруг нее. Каждое из них формировало собственную политическую идеологию и закладывало основы своей идентичности, используя в той или иной мере византийские образцы. Сама Византия, утратившая былое величие, нуждалась в понятиях и принципах, укреплявших ее в сознании своего избранничества, в том числе – в распространении представлений о ее особой роли в сообществе стран и народов.

Происходил сложный процесс трансляции идеологем. Византии было суждено стать МЕДИАТОРОМ универалистских идей окружающему ее миру. Но в каком виде и в какой форме транслировалось диалогами византийское имперское наследие? Ведь заимствование и адаптация форм и идей проходили в разных видах и в разных объемах. Важно проследить, как усваивались, как и почему переосмысливались топоры и клише византийской политической идеологии. Вот только один пример из нашей собственной недавней истории. Перевод греческого слова «автократор», изначально равнозначного латинскому слову «император», стало в императорской России не просто обозначением государя-императора, но и синонимом самодержавности в его специфических формах.

---

¹ См. подробнее: *Карпов С. П.* Императорская власть в Византии // Вестник Российской нации. 2014. № 6 (38). С. 209–222.

Именно универсалистские представления о мировой державе с единственным царем-космократором передавались через разные каналы странам, связанным с Византией духовным родством. В них несомненно присутствовал и концепт христианского единства перед лицом новых вызовов с Востока. Разумеется, нельзя недооценивать тот факт, что разные слои общества и разные политические элиты по-разному понимали и интерпретировали универсалистские представления. Многокомпонентность византийского образования (христианского и эллинского, светского и духовного, риторического и богословского), сам символический этикет византийского двора на первых порах были, очевидно, недоступны диадохам, они заимствовали лишь те формы и идеи, какие могли вместить в свое время, постепенно развивая и преобразовывая их. В эпоху крушения единой государственности самой Византии ее преемники искали свои, но связанные с усвоенной ими прежней идеологией решения. Так трапезундские Великие Комнины, отказавшись от титула императоров ромеев, приняли не менее громкий, но столь же амбициозно-универсалистский титул государей Иверии, Ператии и **всего Востока**. Мы сейчас рассуждаем не о реальных ситуациях, но лишь об идейных конструктах, от них кардинально отличных.

Остановимся не на роли византийского содружества в славянском мире, пусть и дискуссионной, но хорошо изучаемой проблеме, а на новом для самой Византии феномене Латинской Романии. Слово «латинская» здесь – собирательный историографический термин. Современники писали об «империи Романии», просто о Романии, когда имели в виду захваченные «латинянами» византийские или околотовизантийские территории.

Первоначально «империя Романии» отождествлялась на Западе со всей Византией и служила своего рода калькой греческого «империя ромеев». Не случайно венецианский дож изначально, с 1204 г., именовал себя – *dux Venetiarum et quarte partis et dimidie totius imperii Romanie*. Однако постепенно, особенно после восстановления Византии в 1261 г., на Западе кристаллизуется идея «своей» Романии, отличной от Романии – «империи греков», тем более, что римским императором признавался иной, западный монарх. И не важно, была ли Романия франкской, венецианской или генуэзской, она все же была неким единством, идеальным конструктом. И при этом именование Романии продолжает применяться и к Византии¹, включая сюда и деспотов Мистры². Венецианская колониальная империя, как ее именует Ф. Тирье, а вслед

---

¹ Il Codice Morosini. Il mondo visto da Venezia (1094–1433) / Edizione critica, introduzione, indice e altri apparati di A. Nanetti. Spoleto, 2010. T. 1. P. 4–6, 10; T. 2. P. 996, 1003; T. 3. P. 1303, 1375, 1414 (“l’inperador de l’inperio de Romania”).

² Il Codice Morosini. T. 2. P. 788; T. 3. P. 1294.

за ним и другие историки, была основана «внутри» этой Романии¹. Равным образом и генуэзцы использовали имя Романии для обозначения как своих, так и иных латинских владений на территории бывшей Византии².

Осознавалась ли латинская Романия как часть или как продолжение общевизантийского сообщества? Кажется, не в полной мере. Скорее, как наследие, при том законно от империи отсоединенных территорий. Вот пример. Венецианский хронист Лоренцо Моначи (1351–1428) утверждает, что ключевые пункты моря – Перу и Каффу – генуэзцы приобрели обманом в чужой земле, тогда как венецианцы – владыки четверти и еще полчетверти всей империи Романии – обладают этим не столько силой, сколько по праву и разуму, подтверждая время от времени вечный мир договорами с императором греков³.

При этом и генуэзцы, и венецианцы с готовностью признают другую универсальную империю – «империю Газарии», Золотую Орду, татарский улус Джучи, под чьим сюзеренитетом находились их фактории, включая именование «во всей империи Газарии» в титул как генуэзского консула Каффы⁴, так и венецианского консула Таны⁵. Но Верхняя Романия, куда направляются корабли двух итальянских морских республик, и «империя Газарии» как бы пересекаются, отражая разные политические реалии, в равной мере признаваемые этими республиками. И оба концепта восходят к архаичным, уже в реальности отсутствующим образованиям: ни Римской империи, ни Хазарии уже не существовало. Лишь их имена вошли в новую политическую идеоло-

---

¹ Thiriet F. *La Romanie Vénitienne au moyen âge*. P., 1959 (repr.: 1975). P. 2: «L'empire colonial vénitien était fondé et il l'était en Romanie»; Соколов Н. П. *Образование Венецианской колониальной империи*. Саратов, 1963.

² Ballard M. *La Romanie Génoise (XIIe – début du XVe siècle)*. Roma; Genova, 1978. T. I. P. 6: les Génois continuent à parler de Romanie pour désigner des régions qui échappent au pouvoir du basileus de Romanie.

³ Laurentii de Monacis Veneti Cretae cancellarii Chronicon de rebus Venetiis ab u.c. ad annum 1354, sive ad conjurationem ducis Faledro. Accedit ejusdem Laurentii Carmen de Carolo II, Rege Hungariae / Omnia ex mss. editisque codicibus eruit, recensuit, praefationibus illustravit Flaminius Cornelius. Venetiis, 1758. P. 207–208.

⁴ Пример: consul Ca[ffe] totiusque Maris Maioris et Ianuensium in toto Imperio Gazarie (Причерноморье в средние века. Вып. 10. Акты генуэзских нотариусов, составленные в Каффе и в других городах Причерноморья в XIV–XV вв. / Под ред. С. П. Карпова. Составители М. Г. Альваро, А. Ассини, Л. Баллетто, Э. Бассо. СПб., 2018. P. 528 — 21/X 1460).

⁵ Примеры: dominus Daniel Lauredano consul Tane in totoque imperio Gazarie (Прокофьева Н.Д. Акты венецианского нотариуса в Тане Донато а Мано (1413–1419) // Причерноморье в средние века. СПб., 2000. Т. 4. С. 109 — 10/IV 1411); sub regimine spectabilis et egregii viri domini Victoris Delfino pro serenissimo ducali dominio Veneciarum consulis Tane et totius imperii Gazarie (Archivio di Stato di Venezia, Notai di Venezia, Testamenti, 1076, Ambrosius de S. Vitalis, f.3r — 4/II 1427).

гию, в концепт, где не власть императора-космократора, но географическое местонахождение территорий является определяющей доминантой.

Эти предварительные замечания предполагают их детализацию и уточнение в дальнейшем при комплексном анализе венецианских, генуэзских и иных источников XIII–XV вв.

И. О. Князький

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова (Москва)

**Византия и кочевнические союзы в Нижнем Подунавье
(конец IX – начало XIII вв.)**

Первые столкновения Византии с тюрко-монгольскими кочевыми народами восходят к первой половине V в., ко времени самого начала существования самостоятельной Восточной Римской империи (с 395 г.). Это были гунны, чье вторжение в Европу угрожало всем государствам и народам последней. Крах державы Атиллы, быстрый ее распад после его смерти не избавили ромеев от нашествия кочевников-тюрков. Утвердившиеся к северу от Дуная авары создали с 567 г. плацдарм для вторжения в империю. В 626 г. полчища аваров во главе с их каганом осадили Константинополь, но в итоге были разгромлены византийцами. В начале 80-х гг. VII в. в Нижнем Подунавье обосновалась орда тюрко-болгар хана Аспаруха. Следствием этого в дальнейшем стало появление на Балканах Первого Болгарского царства, в котором славяне постепенно ассимилировали тюрко-болгар.

С конца IX в. присутствие тюркских кочевнических союзов в Нижнем Подунавье становится постоянным явлением. В 896 г. печенеги, преследуя венгров, которых они принудили оставить степи Южного Урала и, в конце концов, «обрести родину» в Среднем Подунавье, сами достигли Нижнего Дуная, где их присутствие отныне становится важным фактором взаимоотношений стран и народов этого региона. В 915–920 гг. печенеги вторгаются за Дунай в пределы Болгарии. В 934 г. они в союзе с русскими и венграми ведут войну против Византии. В 943 г. печенеги были союзниками князя Игоря в его походе на Нижний Дунай против ромеев и при этом в очередной раз жестоко разорили болгар. В 970 г. печенеги – союзники русского князя Святослава в его войне с Византией.

В течение X в. печенеги не только переходили Дунай с целью вторжений в земли болгар и ромеев, но постепенно их кочевые орды стали обосновываться в низовьях Днестра, Прута и в Нижнедунайской низменности. Это обстоятельство было отмечено византийским императором-историком Константином Багрянородным (913–959). В своем сочинении «Об управлении империей» он указал на две группы печенегов близ берегов Дуная. Одна группа, ее он именует «фема Гиасихопон», заняла под свои кочевья степи